
Р. И. КОСОЛАПОВ

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

В статье анализируется существующая на данный момент в Российской Федерации общественная система, делается вывод о том, что рыночная экономика поставила страну на грань катастрофы. Предлагаются конкретные пути оптимизации общественной системы, возведенной в ранг национальной идеи, таким образом, чтобы она соответствовала интересам каждого гражданина нашей страны.

Ключевые слова: национальная идея, социализм, капитализм, модернизация, архаизация, производительная сила, потребительная сила, марксизм, труд, общерусское воссоединение.

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

А. Пушкин

1. Гвозди и окна

После того, как Ельцин и Чубайс вбили свои последние гвозди в гроб коммунизма, начался судорожный поиск «новой» национальной идеи России, который ни к чему не привел.

Гвозди кончились, а гроб остался пустым. «Призрак коммунизма» был, очевидно, не глупее своих могильщиков. Он по природе своей не мог быть погребенным, и тем пришлось искать иное прикрытие рынку, «пристойному» псевдониму капитализма, иногда даже путая его с Богом. Этому со своей стороны активно потворствовали церковники, очевидно, больше заинтересованные не в Нагорной проповеди Иисуса и моделировании вместе с ним трудовой общины по типу описанной в «Деяниях апостолов», а в «торгующих во храме» – с непременным присутствием менял.

Так и не найденное «жароптицево перо» тем не менее продолжало волновать ту часть интеллигенции, которая любовно величает

себя «политическим классом», да и на это был прямой социальный заказ. Попыткой его выполнить надо признать и «Россию, вперед!» Д. А. Медведева, и предвыборную серию статей нынешнего («ново-старого») президента России В. В. Путина, отмеченную печатью своеобразного ума и практицизма, но в то же время оставляющую впечатление, что из-за плеча автора в текст периодически заглядывает наш «призрак» и всякий раз, усмехаясь, отворачивается.

В статье «Грозная катастрофа и как с ней бороться», написанной в канун Октябрьского переворота, В. И. Ленин не с потолка взял мысль о том, что социализм ныне смотрится **изо всех окон** буржуазного общества, достигшего стадии монополистического капитализма. Реализацией вытекающих из этого возможностей и был трехступенчатый каскад Русской революции XX в., которой не дали завершиться созданием целостного бесклассового трудового общества невежды и глупцы в лице Хрущева – Горбачева с компанией их заграничных союзников и консультантов. Ныне, в условиях относительной стабилизации реставрированного отечественного капитализма, который – в силу своей возвратности и неорганичности современности – не мог не быть крайне примитивным, эта Революция либо новаторски продолжится с блистательным размахом на ее четвертой ступени, либо будет прервана окончательным расчленением и разложением Российского государства.

Впрочем, я пишу «прервана», имея в виду лишь национальный и региональный масштаб. «Призрак» по-своему дает о себе знать, к примеру, гигантским разворотом «ленинского нэпа» в Народном Китае. И он уже неплохо освоился в Латинской Америке. Кастро, Гевара, Чавес, Моралес, Ортега – лишь пионеры. Еще большее – впереди...

Разумеется, сказанное отнюдь не означает, что наше Отечество вовсе выпадает из исторической игры. У нас тоже есть «окна», в которых можно увидеть либо остаточные и недоделанные формы социализма, либо переходные формы от капитализма к социализму, частенько относительно легко превращаемые (благодаря их внутренней противоречивости и корыстному использованию «командно-административной системы») в переходные формы от социализма к капитализму. И уже это рождает желание в те «окошки» заглянуть...

2. Нынешняя «социалка»

Нынешнее государство Российское в Ельцинской конституции (1993) именуется не **социалистическим**, как в советские десятилетия, а «**социальным**». Что сие означает, народу как следует не разъяснено. Слова однокоренные, воспринимаются многими как почти синонимы. Так, по крайней мере, звучало требование «социальной республики», выдвигавшееся еще парижским пролетариатом аж полтора века назад, в феврале 1848 г. Что, однако, имеется теперь? После гигантского опыта Советского социалистического государства, не избегавшего возложения на себя поистине глобальных мессианских задач и ролей и умевшего их выполнить, эта замена означает уход из сферы «**большой стратегии**» и смирение с амплуа «сверхдержавы третьего мира». Это нечто вроде маскировочного халата, сброшенного на плечи некоего клана, втихую от масс возродившего наряду с бездефицитным рынком потребительских благ, чего ожидал и желал народ, также рынок наемного труда (рабочая сила, а заодно и ее владелец – товар) и рынок капиталов, что народ до сих пор внятно и глубоко не осознал. Тотально возрожденная рыночная система постаралась ликвидировать общинные начала в хозяйствовании и плановую систему управления, восстановила антагонизм труда и капитала, который является для нее сущностным и который, очевидно, разрешить она и не в состоянии, и не намерена. А народ оставлен в глубочайшем неведении, уже не умея отличить революцию от контрреволюции и приучаясь быть благодарным во всем не собрату по труду, а «благодетелю» – работодателю.

Конечно, и авторы, и энтузиасты рыночной концепции отлично понимают, что для удержания любезной им системы при этом коренном пороке, вообще свойственном капитализму, в режиме хотя бы относительной стабильности требуется некий увесистый **балансир**, умиротворяющий общество и удерживающий активно недовольных от крайних форм возмущения. Для этого и выстроена новая «социалка», предполагающая сохранение некоторых «пережитков социализма», меры приглушения воздействия бедности и нищеты, известные по литературе XIX в. как «филантропия» и «благотворительность», ныне украшаемые многочисленными формами «гламура» и «шоу-поп-бизнеса», при незыблемости сверхбогатства и власти «олигархата» (по-научному – плутократии),

«эффективного» частного собственника и при продолжении приватизации. Составной частью такого балансира при нынешнем цинизме и всеохватности буржуазного влияния становятся даже политические партии, в том числе недавно еще весьма радикальные, признающие якобы исчерпание лимита на революции и тяготеющие к центризму.

3. Цена рынка для России – обрезание интеллекта

Огромная литература, разнообразная по жанрам, описывающая кончину советской системы и советского общества в 80–90-х гг. XX в., почти не касается самой трагически потрясающей главы всей этой истории. Не боясь нарушить правила хорошего тона, я назвал бы это интеллектуальным «обрезанием» одного из древних и обширнейших государств Европы и Азии; духовным самоосколпением, подобным поступку ливанского отшельника из купринской «Суламифи», только гораздо страшнее, того самого народа, который **первым** вышел на рубежи трудового неэксплуататорского общества, освоил мирный атом, вторгся в Космос, задел краешек Ноосферы. Как философу-профессионалу мне особенно горестно и горько констатировать беспримерный **облом** нашей культуры, покотивший моих коллег в канаву постмодернизма с его невразумительным бормотанием и непризнанием истины, а значит, и кредо науки. Драматическую контрастность произошедшего усиливает то, что все это приходится наблюдать на фоне настоящей компьютерной революции, глубинным смыслом которой объективно является замещение человека при выполнении рутинных, повторяющихся, монотонных умственных операций и снятие всех ограничений в пользовании и распоряжении информацией, а значит, и максимальное высвобождение креативных способностей личности, ее творческого интеллекта для решения адекватных именно этому интеллекту задач. Но тут-то интеллект и задремал. Причиной тому послужило, конечно, не только связанное со стойкой кибернетической модой «машинопочтение», об ущербности которого еще полвека назад предупреждал Н. Винер, но и повсеместное внедрение рыночных принципов, социальный переворот в СССР, который превратил эту моду и корыстолюбие в свою «пару гнедых»...

Советская общественная система утвердилась на основе принципа, согласно которому ее **объективно необходимым** компонен-

том является **научная** организация труда и производства, образования и культуры, то есть по-новому формируемый, современный **субъективный** фактор. Выражаясь высоким стилем, в человеческую деятельность активно вторгается диалектический разум. Как раз намек на это содержится в замечании Ленина в адрес «любимца всей партии» Н. И. Бухарина, что он «никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики»¹. После Сталина трудно сказать, что в высшем руководстве партии **диалектику** кто-либо знал и понимал. Невинны в этом отношении были и Хрущев, и Брежнев, и тем более Горбачев. Да и «спецы» в этой области, практиковавшие при них, – все эти Федосеевы и Ильичевы, Ойзерманы и Егоровы... – явно не тянули на амплуа учителей «любомудрия». Сталин как-то метко назвал подобные кадры **катедер-коммунистами**. Их начетническая «кафедральная» школа так и осталась у нас доминирующей до конца советской власти. Пережитком ее с примесью нового богостроительства ныне являются Г. Зюганов, Ю. Белов и иже с ними.

Выступление **субъективного** фактора в качестве **объективного** (понятно, временное и относительное), ярко представленное Лениным и подкрепленное естественно-научным наследием В. И. Вернадского, их обратная связь, пульсирующая и взаимная, грани схождения и расхождения оказались вне понимания официальных «корифеев» науки. Коллег же, поднимающихся до такого понимания, старательно оттирали от ключевых позиций. В этом смысле были по-своему драматичны судьбы Д. И. Чеснокова, Ю. А. Жданова, М. А. Лифшица, Э. В. Ильенкова, Н. А. Цаголова, А. Н. Леонтьева – виднейших советских марксистов второй половины XX в., которых я знал лично. Сопоставление их жизненных путей с «одиссеей» честолюбца и предателя, пророка и графомана, «блудного сына» коммунизма А. А. Зиновьева могло бы многое дать в познании перехода XX в. в XXI. Все это явилось продуктом отказа от глубокой ленинизации и вернадизации сознания общества.

4. Модернизация, влекущая назад и вниз

За последнее слово нынешней прогнозистики теперь выдается «модернизация». Однако, если даже немного знаешь и чувствуешь

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 345.

историю, термин этот воспринимается без доверия. Разве не положила начало разносторонней модернизации России, да и всего мира Октябрьская революция со всеми ее последствиями, включая ленинско-сталинский прорыв в социализм, выступление СССР в XX в. в роли авангарда прогрессивного человечества, китайскую дочь этой революции, переход ее в Западное полушарие, на Кубу и в Венесуэлу?

Как-то в 90-х гг. мне пришлось участвовать в одном из ученых советов МГУ, когда защищалась диссертация по теме модернизации на новый лад. О чем же по-своему изящно и витиевато толковал молодой соискатель? Все о том же «возврате к рынку», то есть выдавал в других словах все то же старье, предлагая под маркой модернизации по сути **возобновленную архаизацию** общественной системы. «Позвольте мне здесь заметить, что общественный гомеостазис (бытие как некое относительно динамическое постоянство. – *Ред.*) как на Западе, так и на Востоке в настоящее время осуществляется, исходя из намерений жестко закрепить концепции давно минувшего периода. Маркс жил в эпоху первой промышленной революции, а мы теперь давно вступили в период второй промышленной революции. Эпохе Адама Смита соответствует еще более ранняя и устаревшая фаза первой промышленной революции»². По мнению «отца кибернетики», «непрерывный общественный гомеостазис не может осуществляться, исходя из жестких предпосылок о **совершенной неизменяемости** марксизма, точно так же как он не может быть реализован, исходя из жестких предпосылок, основанных на **шаблонных идеях свободного предпринимательства и наживы как побудительных силах экономического развития** (выделено мною. – *Р. К.*)»³. И резюме: «Дело в конечном счете не в той или иной особой форме окостенелости, а в самой ее сути»⁴. С этим, особенно после печального поворота в судьбах СССР – России, вряд ли поспоришь.

«За 20 лет после восстановления власти капиталистов, – констатировал в 2011 г. В. Трушков, – станкостроение разрушено, тракторы и комбайны по преимуществу приобретаются за рубе-

² Винер Н. Творец и робот. – М., 1966. – С. 93.

³ Там же.

⁴ Там же.

жом, так как многие заводы сельскохозяйственного машиностроения новыми владельцами остановлены и разрушены, из-за чего производство отечественных тракторов сократилось в 12,3 раза, комбайнов – в 8,5 раза. Самолетостроение и моторостроение едва дышат...

В годы реставрации капитализма в первую очередь разрушались наукоемкие и высокотехнологичные производства: инструментальная промышленность, электроника, оптическое и электротехническое машиностроение и т. п. По данным Росстата, по сравнению с 1991 годом выпуск станков с числовым программным управлением сократился в 39 раз, радиоприемных устройств – в 88 раз, подшипников качения – в 108 раз, автоматических и полуавтоматических линий – в 139 раз...»⁵ А ведь все у нас было, было... При таком технологическом подрыве какая тут «модернизация»?! Очевидно, подобное понижение технологического уровня, а то и свертывание производства ведет к массовому падению квалификации производственного персонала и к выталкиванию многих профессионалов из числа мастеров в ряды вульгарных торгашей, деклассированию пролетариата. Кормиться как-то надо. Но главное в другом. Техническая деградация более совместима с менее высокими типами собственности. Мишень здесь – общественная собственность на средства производства, цель – возврат к собственности доиндустриального типа, или оправдание движения вспять, формационная деградация.

Граждане, пережившие перипетии горбачевской перестройки, конечно, помнят кампании «деидеологизации» всех сфер духовного производства и «деполитизации» всех сфер общественной деятельности, в том числе самого политического из институтов – армии, которая к тому же, особенно после провокаторского прилета М. Руста в мае 1987 г., подверглась жестокой травле. Иначе чем **идиотизацией** населения сии кампании назвать было нельзя. Восхвалять и внедрять рынок с его одномерной индивидуалистической психологией и практикой – это идеологией не считалось. Отстаивать коллективизм с его многомерной гуманистичной направленностью было «неприлично», поскольку пахло коммунистической пропагандой. Без какой-либо веской аргументации в какофонии

---

⁵ Трушков В. Пародия на экономический подъем // Правда. – 2011. – 20 июня.

«плюрализма» была отменена марксистско-ленинская идеология. Странно было бы считать доказательными в этом смысле безграмотные писания «одессита-антисоветчика» (так аттестует он себя сам) А. Ципко, посвященные «опровержению» Маркса на уровне двоечника. Да и его «шефы» далеко не ушли. А. Яковлев с его «зябнувшей совестью» «кувыркнулся» через православие в дзэн-буддизм. М. Горбачев с его толстыми «мемуарами» не побрезговал зарабатывать на рекламе пиццы, колы и чемоданов.

В несуразном положении оказалась философия. Ее высшее достижение – материалистическая диалектика – даже в окружении Зюганова почувствовала себя неуютно. Из библиотек изымались (в макулатуру или костер) сотни томов, о ней напоминавших, – от Платона и Аристотеля, Декарта и Бэкона, Канта и Гегеля, Герцена и Чернышевского до массы последующих марксистских авторов. Забавно, но список изымаемой литературы (сужу на примере библиотек, в спасении которых лично участвовал) во многом совпал со списком книг, которые жгли гитлеровцы в 1933 г. Ссылаюсь на «Коричневую книгу» (М., 1933), которая тоже подверглась списанию. Это, как я уже замечал, было неизмеримо страшнее самооскопления. Здесь жертва **сама** дергала шнурок гильотины, отсекая **себе** трехтысячелетнюю голову. И самое поразительное – слышались лишь отдельные негромкие голоса удивления, но со стороны философской общественности не было надлежащего, **гневно** и **решительного** протеста. «Рыцарек на час» Ципко оказался влиятельнее. Освободившуюся нишу, не мешкая, деловито заняла церковь. Интеллектуальный арсенал, который наука напластовывала почти три десятка веков, скоренько заменили идеологией первых веков христианской эры с густым запахом бизнеса.

5. В поиске

Поиск «новой» национальной идеи России не прошел, конечно, бесследно. Одно время интеллигенция пыталась «обсасывать» сурковскую концепцию «суверенной демократии», но ввиду ее несвязанности с реальной историей страны и некоторой заумности убедилась в тщете усилий. Меня во всех этих дебрях удивляют две вещи. Во-первых, принятие как догмы взгляда, что Россия – заведомо недемократическое государство и ей вечно надо «учиться, учиться и учиться» у Запада, к примеру у США, чей опыт государ-

ственного строительства **в четыре-пять раз короче** российского, да и гораздо **беднее** по формационно-цивилизационному, социально-культурному содержанию. Во-вторых, упорное непризнание различных форм отечественного народовластия с древнейших времен.

Наши интеллигенты, очарованные серенадами о «правах человека», хотя редкий из них способен даже кратко перечислить эти «права», мало интересуются стародавним на Руси общинным самоуправлением, вечевой практикой новгородцев и псковитян, опытом мирских сходов и соборов, земств, Республики Советов. Иные умники не видят в прошлом ничего, кроме монстра самовластия и крепостничества, а иные, вроде Никиты Михалкова, наоборот, игнорируют справедливые оценки помещичьих порядков от Радищева – Пушкина до Щедрина – Толстого и делают крепостничество семейной реликвией, царской конфеткой, забывая о многоукладности России и о том, что эта громадная евразийская держава не могла бы образоваться, как малые государства Европы, только путем феодального насилия. Забвению предается огромная работа, которую проделало православное миссионерство и русское просвещение. Недооцененным, а то и вовсе неучтенным фактором остается активность окраинных военно-демократических казачьих **республик** (слово Н. М. Карамзина), прежде всего Донской и Запорожской, действовавших в экстремальных условиях, не знавших ни рабовладения, ни закрепощения, но динамично отстаивавших границы русского ареала вплоть до выхода в Центральную Европу и Центральную Азию, к Тихому океану и в Калифорнию – Аляску, то есть на Американский континент. Так что у нас дома есть чему поучиться, не подглядывая в штатовские «святцы», и есть чему поучить. Заимствовать хорошее? Почему же нет? Иронически относиться к доморощенному? Это мы умеем как никто, и это наша замечательная положительная черта. Но надо знать **меру**. В ельцинские «лихие» 90-е мы ее утратили в обоих отношениях и теперь мучаемся. Как бы ее вернуть?..

Здесь уже упоминался поиск крайне правого толка, михалковская идеализация феодального абсолютизма. И таких случаев сейчас немало. На левом крыле весьма заметен А. Проханов, при общей русско-советской патриотической направленности талантливо засыпающий читателя и слушателя конфетти из образов, метафор,

сопоставлений, отвергающий марксизм и Ленина и боготворящий марксиста-ленинца Сталина, влюбчиво ваяющий один за другим монументы разных «вождей» и симпатичный своей искренностью. Десятки «программаторов»; фехтующие С. Кургинян и Н. Сванидзе; наговоривший больше томов, чем классики, В. Жириновский; дуэли – устные у В. Соловьева, печатные – у Ю. Мухина; Б. Немцов и В. Анпилов, М. Задорнов и М. Веллер, А. Караулов и З. Прилепин, – кого слушать и кого читать?.. Многообещающей казалась заранее разрекламированная идея «социализма XXI века», но, как показал недавний XV съезд КПРФ, зюгановская команда с ее расшифровкой не справилась. При всем обилии подготовленных текстов эта партия сейчас вооружена теоретически не лучше, чем двадцатилетие назад.

Что касается В. Путина, то, приняв из рук уже бутафорского Б. Ельцина вожжи российской брички, он, вначале вовсе неизвестный России чекист, казался народу либо чьим-то агентом, либо наивной жертвой. Ибо наследовал управление страной, во-первых, разоренной и обираемой всеми, кому не лень, во-вторых, утратившей здоровое самосознание и самолюбие, понимание своего места в мире, национальную гордость многоэтничного народа.

Теперь, подводя итоги путинского президентства-премьерства за почти полтора десятилетия, можно сказать, что он убедительно показал себя, согласно собственной самооценке и самохарактеристике, как прагматик консервативного толка. Он долго искал себя в выпавших на его долю ролях, рос на наших глазах. Бывали у него моменты неловкости и растерянности, как в случаях с гибелью «Курска» или трагедией «Норд-Оста», вначале раздражал «лепет по бумажке», но, с другой стороны, ощущалось, что голос крепнет и цепче становится хватка. Самое примечательное состоит в том, что прекратилось поношение всего советского, затеянное М. Горбачевым и Б. Ельциным. Консервативный прагматизм подсказал Путину, что **далеко не от всего** в советском наследии следует отказываться. Подергаться либералов заставила его фотография в Александровском саду, возле урн с землей из городов-героев, на одной из которых раньше была надпись «Волгоград», а теперь стояло «**Сталинград**». Огромно национально-духоподъемное влияние возврата государственного гимна в музыкальной версии Бориса Александрова (хотя и с иным текстом) под громкое ворча-

ние «демократической» братии. Дуновением здравого смысла, как бы воспоминанием о былом народно-хозяйственном планировании явились путинские «проекты». Впечатлила заявка на перспективу энергетического лидерства России в мире. Вовсе очаровательным было высказывание о том, что оружием пролетариата должен стать теперь не булыжник, а мозг. Появились даже тени Госплана и электрификации, новой индустриализации и технологической революции. Зашевелился тот самый «призрак»... Развернулась была кампания против роскоши и на вид суровая борьба против коррупции. И тут же мы услышали заявление, что будет продолжена приватизация, плодом которой на предыдущих этапах в основном и являются названные выше явления, вроде бы осуждаемые публично. Что это значит – пойми, кто может. Во всяком случае, консервативный прагматизм (или прагматический консерватизм) предлагает нам курс, лишенный цельности. С одной стороны, он основывается на выщипывании и утилизации **кое-чего** пока еще **работающего** из советской практики, что импонирует опытным пожилым и ищущим юным, с другой – опирается на незыблемость частной собственности, еще недавно добытой немногими счастливыми не собственными усилиями, а экспроприацией общественного и личного достояния трудящихся, и сулит ее продолжение. Не спеши хвататься за булыжник, а, на всякий случай имея его под рукой, направляй мозг, думай, пролетариат!

По-своему ищет «новый образ» России публицист, бывший помощник Ельцина В. Костиков. «Сегодня и правящая, и оппозиционные партии провозглашают политико-гуманные ценности и цели, – пишет он. – Несмотря на шумные политические различия, они очень близки: сохранение государства, развитие демократии, улучшение жизни народа, защита культуры, охрана окружающей среды и т. д. Кто против? Никто»⁶. В этой констатации Костиков, конечно, прав. Однако удивляет то, что «новыми» ценностями и целями он величает по сути старые и вечные атрибуты, которые признавали и ценили русские люди, скажем, еще времен Ивана Грозного, только употреблявшие для их обозначения другую терминологию. Специфики момента наш мыслитель не улавливает. Его же мечта «преподнести в яркой форме идею развития финансовых рынков,

---

⁶ Аргументы и факты. – 2013. – № 36.

инновационных технологий или ипотеки» страдает безнадежной утопией. Гуманитарного содержания в идеях, основанных на коммерческом расчете, на денежном чистогане, просто нет. Может быть песня об утраченной любви, но не может быть песни о потерянном кошельке.

Костиков возвещает «цели очень практичные, далекие от ленинских полетов во сне и наяву». Это и понятно: сей господин, конечно, помнит «полет» своего шефа в мешке с подмосковного моста в холодную реку и собственный «полет» в одну из холодных сибирских рек по указанию того же шефа, оторвавшегося от любимой «работы над документами». Но все это – полеты **вниз**, по закону всемирного тяготения. Полет же, предполагающий человеческий смысл, не может не быть полетом над и в связи с действительностью, будь то подвиги Икара или Чкалова, Сократа или Ленина, Франциска Ассизского или Макаренко, Жюль Верна или Королева, будь то порыв вперед мухинских «Рабочего и колхозницы» или прорыв Гагарина в космос. Можно сотни раз на дню повторять: «Деньги работают – мы отдыхаем», но что делать тем – а это большинство, – у кого денег в обрез? Можно заставить телезрителя забыть слово «**труд**», заменив его – по логике биржи – словом «**игра**», но свет и тепло, хлеб насущный и книга **не игроками** даются и не на финансовых рынках добываются. Не там надо искать «образ» России.

Вопящих и вздыхающих, даже роняющих слезу по поводу того, что у нас «**нет**» теперь идеологии, хоть пруд пруди. Было недолгое увлечение религией, и отцы церкви, обретя монополию на духовность, всю разработывали «жилу», но пик этого настроения пройден. Из народного подсознания не ушли и «всемирная отзывчивость», и общинность-соборность, и интернационализм-коллективизм, емко и резко обозначенные в XX в. как **коммунизм**, но возвращение к ним ох как неудобно, даже страшновато правящему классу, да и припугнутому «среднему» тоже. Поэтому на них – **табу**, а что далее?.. Народу возвращена слепая вера в частную собственность. Но вера эта может неплохо удержаться (перефразируя американцев) только с дарованием каждому гражданину первого миллиона (долларов, конечно), а много ли россиян-тружеников его имеет? За четверть века после ее восстановления частная собственность свое хозяйственное превосходство перед общественной не

доказала. Она подтвердила себя лишь как удобная основа личного нетрудового, а значит, по большей части несправедного, обогащения. Но основой для прочного общенационального единения, даже зыбкой, – это понимает и Костиков, – она стать, увы, не может. Демонстративное потребление, бесстыжая роскошь стали чуть ли не единственными опознавательными признаками новой буржуазии, – признает он. Не на примере этой самозваной «элиты» надо строить концепцию **оптимизации общественной системы** в современной России. Почему бы не присмотреться пристальнее к этой формуле?

6. Человек есть мера всех вещей

Оптимизация – замечательное слово, хоть и иноязычного происхождения. В лексиконах оно трактуется как выбор наилучшего варианта из ряда возможных. Правда, это слово, как и многие другие, успел-таки опознать рыночный подход. Когда под предлогом якобы оптимизации закрывают малочисленные сельские школы или малопродуктивные сельские роддома, мотивируя это недобором рублей, речь идет не о благосостоянии населения, а об узкокоммерческом расчете. Вещи это часто несочетаемые, порой остро антагонистичные. Тем более если речь идет не о выборе лучшего, относительно изолированного, **одиночного** варианта, а о **системе**, составляемой из комплекса факторов, каждый из которых должен быть не только приемлем сам по себе, но и совместим с другими. И эта совместимость является условием успешного функционирования в ансамбле.

Раздумывая о превращении оптимизации общественной системы в новую национальную идею и тем самым повторяя, в отличие от В. Костикова, «ленинские полеты во сне и наяву», я подбираю крупинки мудрости древних. С чего-то ведь надо начать. И интуиция подсказывает мне отправную точку. Ею могла бы стать формула Протагора: «Человек есть мера всех вещей». Причем мера эта должна толковаться не вообще, а как принадлежащая совокупному индивиду, то есть обществу, в его всеобщих чертах, каковыми выступают, по Энгельсу: а) его **производительная** сила; б) его **потребительная** сила. В контрастном и одновременно гармоничном единстве этих двух проявлений заключается весь секрет социального бытия. При этом контрастность является продуктом бессозна-

тельной стихии, гармоничность – продуктом разумности. Ныне, когда человечество уже получило опыт раннего социализма и частично от него отказалось, мы получили наглядный пример борьбы этих противоположностей. И весьма поучительный пример сделанной колоссальной ошибки, для исправления которой накоплен уже достаточный научный, естественно-испытательский, технический и гуманитарный материал, но заброшен в болото «золотой ключик», который пустил бы его в дело, – классическое российско-советское образование. Попятный шаг в капитализм, медовый вкус которого познали «торговцы воздухом и валютой» (слова А. Н. Толстого), а горечь хлебнули кузнецы и пахари, учителя и врачи, необходимо ликвидировать. Но это «отрицание отрицания», или возврат в оставленную было формацию, потребует громадных усилий, в первую голову интеллектуальных. Где носитель необходимого для этого потенциала, **субъект** такого возврата – вот в чем вопрос.

Согласно заявлениям Д. Медведева, защита частной собственности и конкуренции остается нашим безусловным политическим приоритетом; он не сторонник «политики сохранения занятости любой ценой», то есть традиционного с советских времен пресечения безработицы, и озабочен тем, чтобы государство не занимало неоправданно много места в экономике. Со стороны главы кабинета министров это откровенная заявка на уход его как ветви государственной власти от ответственности за судьбы малоимущих тружеников и по сути признание очень большой удаленности от понимания искомой национальной идеи. Ни финансовые олигархи, ни средний и малый бизнес, нынешние «столпы» частной собственности, такую искру из себя не высекают...

7. Ничего сверх меры (Солон)

Единство производительной силы общества и его потребительской силы относится к слабо разработанным категориям общественной науки. Столь же жалкий характер носит исследование того, что Ленин именовал «мерой труда» и «мерой потребления». Для обобществленной плановой экономики оно имело принципиальное значение. Это прежде всего касалось обоснованного, справедливого и динамичного **соотношения** личного трудового вклада в **натуральное** – в продукте, в реальных потребительных ценностях – **достояние общества** и ответного вознаграждения со стороны об-

щества – личности. Понятно, что в нынешних условиях, когда олигарх, «осчастлививший» ранее Чукотку, покупает то длиннейшую яхту, то английскую футбольную команду, то лучшие особняки в Лондоне и Нью-Йорке, судить ни о мере **его** «труда», ни о «мере» **его** потребления, ни об их «соотношениях» не приходится. Н. Шмелев писал, что рубль должен быть поставлен в центр всего. Результаты такой «постановки в центр» налицо. Мы не знаем, что делает или умеет делать Р. Абрамович, но несомненно, что он умеет потреблять. Управы без защиты, помимо законно приобретенной частной собственности, а также собственности личной, трудовой, на «торговцев воздухом и валютой» нет.

«У нас в России коррупция борется сама с собой», – усмеваются участники команды КВН «Уральские пельмени». Почему столь серьезные заявления мы осознаем либо сквозь слезы, либо сквозь смех? Оптимизация общественной системы несет в себе императив сделать хотя бы элементарные шаги к **двум мерам** – труда и потребления, о которых идет речь, а значит, и к социальному равенству. «Ты шутишь или бредишь? – скажут мне. – Социальное равенство казалось гораздо ближе, чем нам, и санкюлотам Великой французской, и парижским коммунарам, и нашим дедам в Красной гвардии, и бойцам Сталинграда, а вот “демократы” в “перестройку” резонно назвали его “социальной химерой”. Одумайся, старина...» Но подобной «модернизации» со мною, коллеги, не будет. Хоть и далек свет, но реален. Партия, претендующая на то, чтобы овладеть будущим, должна быть озабочена необходимостью иметь достоверную, научно безупречную, по возможности подробную, постоянно уточняемую **«дорожную карту»** к нему, с хорошо просматриваемой перспективой по меньшей мере на пару поколений вперед.

Рыночники именуют деньги «кровью экономики», отчего финансовая система представляется несущей кислород и энергию всему общественному организму, хотя в действительности больше оказывается насосом, нагнетающим смертоносный воздух в кровеносные сосуды. Напомню, В. И. Ленин высоко ценил финансовый механизм монополистического капитала и видел в нем нечто вроде кассового аппарата будущего планового хозяйства. Но не более того. В действительности кровью экономики служит **энергия**, в первую очередь электрическая, воплотившаяся при Советах в Единую

энергетическую систему СССР, силовой, технологический и организационный **остов Союзного государства**, раскромсанный чубайсовой секирой частной собственности, обрекшей его на распад.

Упоминая ранее претензии Путина на энергетическое лидерство России в мире, автор этих строк, естественно, исходил из расчета на его современный вариант. Но встречая всюду только хвостовство по поводу того, что мы больше всех продаем газа и в экстремальных условиях ловко выкачиваем наши Богом данные, еще ермаковым посылом завоеванные нефтяные запасы, вряд ли стоит спешить с комплиментами. Что мы выполняем иностранные заявки на сооружение АЭС, может быть, и хорошо с коммерческой точки зрения. Но надо знать, не устарел ли этот вид энергокомплексов и что впереди.

Еще в 70-х гг. прошлого века мне пришлось обсуждать с моим другом физиком Побиском Кузнецовым возможность перевода экономики советского типа с рублевых показателей на показатели энергетические. При этом мы думали о новой ступени электрификации и индустриализации страны. В двери стучалась уже тогда экологически безопасная ветровая, приливная, термальная и биоэнергетика. Конечно, в отличие от Костикова, мы не избегали «ленинских полетов во сне и наяву» и, по примеру удачного «полета» **ГОЭЛРО**, подумывали о его продолжении – «**солнцефикации**» России. К тому времени было накоплено более чем достаточно примеров и обобщений применения солнечной энергии в быту и на транспорте, в авто- и авиатехнике, на космических аппаратах. Но сильно мешал заскорузлый и спесивый атомный монополизм, представители которого зажимали рты и источники финансирования всем, кто мог предотвратить трагедии Чернобыля – Фукусимы.

«Эксперты констатируют, – писал в 2006 г. инженер-ядерщик Г. Асинкритов, – в мире наблюдается коренной поворот от использования ядерной энергии к широкому применению экологически чистых энергоисточников, и делается это по разным причинам. Одна из главных причин – трудности вывода АЭС из эксплуатации»⁷. Но труднее всего – сопротивление авторитетных профес-

---

⁷ Асинкритов Г. Растратчики. – Удомля, 2006. – С. 26, 28.

сионалов под эгидой Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). «Заявляя, всегда и везде, что альтернативы ядерной энергетике нет, – замечает Асинкритов, – МАГАТЭ отрицает и всячески поносит возобновляемые источники энергии». Два его «сильнейших» контраргумента: 1) источники возобновляемой энергии (ветровые, солнечные, геотермальные, приливные, биогазовые) не могут быть целесообразными поставщиками в электрические сети из-за прерывного характера работы; 2) источники возобновляемой энергии требуют для себя недопустимо больших территорий, – многократно опровергнуты практикой. Только иронию могли вызывать ссылки на то, что на территории СССР массовое использование энергии дневного светила невозможно из-за нехватки солнечных дней, или суждения немецких специалистов о том, что энергию Солнца Земля может принимать только со спутников. Человек доказал, что он, подобно зеленому растению, располагает системой инструментов, напрямую улавливающих, перерабатывающих и использующих солнечную энергию, сберегая консервирующие ее полезные ископаемые органического происхождения (уголь, нефть, газ) и уменьшая риски нарушения баланса геологических сил, непредвиденных тектонических сдвигов. Он – дитя Солнца, заряженное его энергией, и в качестве такового **главная ось** оптимизации общественной системы. Может быть, с этой точки зрения жители крошечного новозеландского архипелага Токелау, недавно первыми из земель полностью перешедшие на электроснабжение от солнечных батарей, явят нам достойный образец.

8. Сила и производительная, и потребительная

Человек и освоенная им энергия – производительная сила. Но он же – сила потребительная. И этой категории особенно не повезло.

Не один десяток лет удивляюсь тому, что люди, подчас изнуряя себя ради хлеба насущного, гоняясь либо за минимально необходимым, либо за престижным, борясь против нищеты или за роскошь, мало задумываются над мерой потребления, боятся даже ее упоминания, ссылаясь на «тоталитарные» нормы военной карточной системы. Около 6 тысяч рублей с 1 января 2014 г. составил у нас минимальный месячный размер оплаты труда (МРОТ). Про-

житочный минимум в первом квартале 2013 г. был установлен правительством в размере около 8000 рублей. Между тем, согласно действующему (вроде бы!) Трудовому кодексу, первая цифра (это же относится и к пенсиям) не может быть ниже второй.

Правительство само нарушает Кодекс, культивируя к тому же чудовищное неравенство граждан. Эти 6 тысяч в переводе на советские купюры начала 1980-х гг. составляют 60–40 рублей. Это ежедневный комплексный обед из трех блюд в московском ресторане 1960-х гг. А что теперь? С такими деньгами в ресторан (да и в театр) лучше не соваться. Хватит на два-три раза. Дальнейшее, как в «Гамлете», молчание... Поэтому надо изворачиваться. С рублевой мерой то ли труда, то ли потребления получается как-то нескладно. Может быть, начать их считать в киловаттах или калориях?.. «Если мы хотим сделать суверенную финансовую систему, – говорит Е. Савченко, – нужно предпринять следующее. И здесь Россия должна показать пример всему миру. Нужно рубль приравнять к какому-то твердому экономическому эквиваленту. Не к золоту, не к доллару, не к другой валюте. К примеру – условно: килограмм зерна, 1 киловатт-час электричества, один килограмм продукта, который мы ежедневно потребляем. Такая идея не мне принадлежит»⁸. И в ее свете совершенно преобразуется картина. «Если, условно, приравнять рубль к киловатт-часу, – продолжает Савченко, – то это будет прорыв, потому что по энергетическим запасам Россия – самая богатая страна в мире. Мы можем в счет других запасов так разбогатеть, такие формы развития осуществить, что в очень короткие сроки произойдут просто сказочные изменения. К нам пойдут инвесторы со всего мира»⁹. Но главное – в центр внимания встанет не бездушный слабый рубль, а душевный и страстный, размышляющий и решающий, неукротимый человек.

Предметом моего удивления многие годы было то, что советская плановая система исчисляла весь свой хозяйственный оборот в денежно-стоимостных единицах, лишь косвенно учитывая живые, натуральные потребности общества. Вместо того чтобы их систематически изучать, классифицировать по степени насущности

---

⁸ Савченко Е. За общее дело! // Завтра. – 2013. – № 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/za-obschee-delo/>

⁹ Там же.

и возможностям удовлетворения, периодически внося в **«потребностный портрет»** населения и свою деятельность назревшие поправки, как следовало согласно основному экономическому закону социализма, наши хозяйственники были увлечены рублем и валом, погоней за прибылью. «Утомляет очень чтение советских экономистов, – нашел я недавно свою запись 1953 г. (еще студента-третьекурсника), – у них почти одинаковые ошибки; их много, и они бесполезны». Жизнь не позволила изменить это мнение. Мои друзья госплановец Гелий Павлов и госплановец-цекист Юрий Велик разделяли научную точку зрения, согласно которой **в коллективизированной экономике приоритет должен принадлежать потребительной стоимости** (ценности), а не стоимости, но отчетливого понимания вопроса у первых лиц в партии (за исключением весьма краткого «генсекства» Ю. Андропова и К. Черненко) не было. Без поворота в экономическом мышлении и практике к реальным нуждам человека труда, не заглушенным приватизаторской жаждой, гуманистически ориентированная оптимизация общественной системы невозможна.

В марксизме провозглашена, но слабо обоснована и признана идея превращения труда в первую жизненную потребность свободного человека. Часто ей давалось только нравственно-эстетическое истолкование, что позволяло рыночникам, придававшим своим лицам суровую мину реалистов, игнорировать это якобы измышление «романтиков». Между тем пора признать факты и утверждать всерьез, что именно эта потребность, формировавшаяся и проявлявшаяся тысячелетиями, в свою очередь (правда, не всегда успешно формировавшая людей) явилась ведущей силой всего культурно-исторического прогресса. Элементарная увлеченность работой, влюбленность в профессию, доводимая до одержимости творца Давида и Сикстинской капеллы, повторенная миллионы раз массой известных и неизвестных подвижников, – все это достояние человечества, произведенное не только и не столько под влиянием экономических стимулов, а часто и вопреки им. Труд как поиск, как повторяемое проявление умения и силы – желаемое переживание работника. Он, будучи социальной потребностью, обладает своего рода **потребительной ценностью**, реальной, хотя и трудноизмеримой. В качестве таковой он должен быть включен в систему категорий политической экономии, экономической теории и хозяйст-

венной практики, основательно осмыслен в ней, а также способствовать оптимизации (повышать «оптимизируемость») общественной системы.

9. О «бесклассовом» обществе «среднего класса»?

Этот феномен может показаться странным, но таковым не является. Нынешний режим, восстановивший в результате переворотов 1991–1993 гг. классовый антагонизм и утвердивший власть финансовых воротил, тоже по-своему, как и большевики, играет с идеей бесклассового общества. Речь идет о, можно сказать, ключевой идее прежней правящей партии, получившей последнее выразительное отражение в материалах предвоенного (1939 г.) XVIII съезда ВКП(б) и возобновленной лишь через 47 лет, уже при М. Горбачеве (тогда «раннем», но не по его воле) XXVII съездом КПСС (1986 г.) в новой редакции ее Программы. Пишу об упомянутых 47 годах не случайно, а с горечью и глубочайшим сожалением, ибо эти годы даровались нам самой историей для решения эпохальной задачи. Ленин связывал существование и прочность социализма именно с ее решением и постоянно о ней напоминал. Имелось в виду создание общества, в котором: а) в народный обычай превратилось бы единство **права** на труд и **обязанности** трудиться; б) трудящиеся не знали бы над собой **никакой иной** власти, кроме власти собственного объединения. Создание бесклассовой трудовой ассоциации, не растянутое на десятилетия, а оперативное и динамичное, пресекающее какие бы то ни было попытки отдать жизненное пространство паразитарно-эксплуататорским элементам.

Не разбирая здесь, кто и почему потерял означенное время (тема большая и особая), мы фиксируем факты современности. Нынче не модно говорить о классах и классовой борьбе. Удобнее делать вид, что в обществе их нет вовсе, старательно избегая четких формулировок и обозначения социальных граней. «Повезло» только «среднему классу», полумифическому изобретению буржуазной социологии, который выделяется из общества не объективно-стабильно по месту в разделении труда и владению средствами производства, а по обладанию предметами движимости и недвижимости (дача, автомобиль, компьютер...) – признаку, имеющему довольно-таки мерцательный (сегодня есть, завтра – нет) характер. Про другие классы, как правило, молчок или, в лучшем случае,

рассуждения о социально-партнерских отношениях, в коих капитал имущие оказывают услуги работодателей «братьям меньшим», которые в таких услугах нуждаются, причем обе стороны сливаются в «братских» объятиях. Растущий «средний класс», то есть, по-видимому, часть населения с достатком выше МРОТ, величаемая также классом «эффективных собственников», – вот желаемая властями массовая категория членов новороссийского «бесклассового общества», в котором в «мало- и среднебизнесном планктоне», как громады московского «Сити», молчаливо высятся олигархиплутократы. Конечно, если есть «средний» класс, не может не быть и «высшего», и «низшего», но о них мы знаем больше по материалам публицистики, нежели научных исследований; что же касается политиков, то они, как правило, «темнят». Очевидно, буржуазная «среднеклассовость», или «одноклассовость», российскому обществу не грозит и над ним так или иначе, зримо или не очень, долго еще будет «висеть» вопрос соответствующей социальной «меры». Какова она – вопрос на засыпку...

10. Кое-что о двухпартийности

Одной из сильных черт Путина являются трезвые оценки и использование принципа альтернативности в политике. Это выразилось в личностном плане в чем-то вроде соперничества и вроде бы взаимозаменяемости в паре Путин – Медведев. Отбив после Ельцина свой первый президентский срок, Путин перед очередными выборами, когда уже не мог сам баллотироваться, долго «пиарил» пару из своего ближайшего окружения Д. Медведев – С. Иванов. В электорате это рождало эффект «свободного выбора», и подобная иллюзия создавалась не раз. Путин несколько лет был лидером партии «Единая Россия», не будучи ее членом (на моей памяти первый такой случай) и обеспечивая себе несвязанность (со ссылкой на свой президентский статус) уставными обязанностями и членскими обязательствами. Недавно он передал лидерство в ЕР премьеру Медведеву, возглавив вновь образованное массовое общественное движение – Общероссийский народный фронт, напоминающий основанный еще при Советах, в 1989 г., Объединенный фронт трудящихся. Аналогии здесь неуместны: организации образовались в совершенно разных условиях, с разным классовым составом и разными целями, – но факт учебы режима у социального

оппонента налицо. Видимо, это и есть «консервативный прагматизм». В стране пахнуло возможностью образования чего-то вроде **второй** правящей партии, то есть оформления двухпартийной политической системы, о чем, очевидно, уже давно мечтала мелкая и средняя буржуазия. Правда, тут же последовало значительное облегчение процедуры регистрации новых партий, и мы имеем их теперь, если считать только участвующих в выборах, больше полусотни. Такое облегчение формального признания резко затруднило консолидацию и концентрацию оппозиционных сил. Эксперимент получился интересный, смысл его прочитывается только частично. Нужно время, чтобы понять его лучше.

Двухпартийность в политике вообще-то не новость. Англичане, к примеру, проделали тяжкий и поучительный путь от противостояния династий Алой и Белой розы до сменяющих друг друга во власти буржуазных партий тори и вигов. Для буржуазной парламентской системы двухпартийность – это великое изобретение. Кроме Англии она процветает в Германии и США, так или иначе подобное мельтешение наблюдается и в других странах, желающих быть «цивилизованными». Двухпартийность создает видимость периодической смены режима, снимает оскомину у электората от мелькания одних и тех же лиц, в известной мере способствует устойчивости строя. На мой взгляд, она применима в работе не только правящих, но и оппозиционных партий. К этому склоняет, в частности, опыт КПРФ, явно пробующей повторять опыт монополярной когда-то КПСС, но не справляющейся в круто изменившейся обстановке с охватом активно просоциалистической части населения ни идейно, ни психологически, ни организационно.

При затянувшейся на жизнь целого поколения коммунистической многопартийности, свидетельствующей об исключительной живучести идеи и ее призывах к саморазвитию, имело бы смысл при инициативной, товарищеской поддержке КПРФ пойти на создание **второй**, достаточно влиятельной компартии вместо россыпи, по сути, политических кружков.

За два десятилетия своего думского присутствия КПРФ испытала разные влияния, которые условно можно назвать национал-меньшевистскими, богоискательскими, катедер-бюрократическими и т. п., превратилась в партию парламентского типа и не избежала нового **застоя**.

Опыт КПРФ показал, что позиционироваться «партией системной оппозиции» – значит признавать себя принадлежащей к **системе**, которая уже сложилась как буржуазная. Это очевидно чревато и догматизмом, и уклоном вправо, куда обычно «тянет» сложившийся, явно жаждущий стабильности чиновничий аппарат. Другая партия того же генерального направления, лишенная в основном указанных недостатков, могла бы сыграть большую роль в собирании не организованных по разным причинам радикальных марксистско-ленинских элементов, в просвещении любознательной молодежи, а главное – в налаживании откровенного творческого обмена мнениями, **диалогового режима** в отношениях левых сил и их содержательного публичного соперничества в борьбе прежде всего за чуткое и точное выражение интересов трудящихся и потом уже за власть. Правые и правоцентристские организации позволяют себе в своей среде нечто подобное. Почему же левым, хоть и с пустым кошельком, но с неизмеримо превосходящим просвещенческим и моральным потенциалом, не приняться за это всерьез? Не спешите хвататься за бульжники, а напрягайте мозг, думайте, пролетариат!

11. Остаться ли нам разделенным народом?

«Я счастлив, что родился русским человеком», – говорил Г. Жуков. Но эти слова еще недавно пугали российского обывателя. «Новые русские», то есть индивиды, пробившиеся в свежий господствующий класс, щеголяя цветными пиджаками, англоязычием и чем-то вроде двуполости, выражение «я русский» воспринимали как заявление типа «я диалектик», «я материалист» или «я большевик». Знали мы, однако, и другие времена. В дни Великой Отечественной войны, особенно после Сталинграда, красноармейцы, будь они осетины, армяне, узбеки, таджики, евреи или татары, предпочитали называться русскими, хотя никакой русификаторской работы с ними не велось. Это была стихийная форма **интернационализации** сознания, рожденная общими целями и примерами, общими опасностями и страданиями, общими радостями и победами. Великую роль при этом играл наш богатейший из развитых, блестящий самоцветами русский язык с его наречиями, и ныне недооцененный как могучее общественное отношение, но до сих пор не позволяющий окончательно распасться такой социальной и интернациональной общности, как советский народ.

Всякий хоть немного знающий отечественную историю и немного думающий русский (малорус, белорус, великорус) видит, что нынешние коммерческие интересы, по сути, держат под запретом тему воссоединения нашего **разделенного, как никакой в мире**, народа. Союзная Белоруссия, формально входящая (и не входящая?) в состав одного с РФ государства, не может согласиться с проектом чубайсоприватизации и другими либерализаторскими «реформами», хотя А. Лукашенко говорит, что «мы один народ». «Мать городов русских» Киев официально изображается как бы тяготеющим к Европе, но объективно Днепровское левобережье экономически, политически, культурно и психологически неотрывно от России, в то время как правобережье предпочитает двусмысленную игру в натовский политический бильярд. Свою долю в проблемы региона вносит молдавско-русское Приднестровье, очевидно тяготеющее к Российской Федерации, и эволюция общерусских отношений не обойдется без его участия.

Развал СССР был инициирован горбачевской бюрократией **сверху** сначала немотивированным пересмотром Союзного договора 1922 г., затем – после общенародного референдума «за» – пьяным сговором Ельцина – Кравчука – Шушкевича «против». Усилиями подкупленных СМИ был создан эффект как бы преобладания центробежных (от Москвы) тенденций, но не могли не возобладать тенденции центростремительные. Задача всех левопатриотических сил ныне – упорно заново инициировать движение **великого общерусского воссоединения снизу**, сплачивая, независимо от их этнического происхождения, прежде всего всех людей **нашего** языка (мовы) и их братьев по месту рождения, по среде обитания, труду и культуре, истории и образу жизни.

Торжество общерусского начала во Второй мировой войне повлекло за собой также возрождение идей **славянофильства**, но не в прежнем, царистском варианте, когда российское самодержавие подчас эксплуатировало кровную славянскую солидарность в своих эгоистических, великодержавных целях. «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, – говорил Сталин 28 марта 1945 г., – стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с дру-

гом против нашего общего врага...»¹⁰ Война уже шла к победному концу, и таким врагом, понятно, оставалась еще гитлеровская Германия. Но славянский союз, не посягавший на суверенитет и самобытность отдельных государств, мыслился гораздо шире и объемнее. Спустя только год на доминирование в мире устами Черчилля вместо фашистского рейха заявил претензии **англоязычный** блок. Задолго до этого советское руководство уже имело обширную тревожную, подчас зловещую информацию о подобных соображениях и практических шагах. Поэтому оно рассчитывало на «демократизированные славянские государства» как на «естественных и самых надежных союзников» СССР. «Именно они образуют на Западе дружественный и всегда надежный пояс»¹¹, – считал Сталин. К сожалению, его преемники не восприняли и не развили идею «нового славянофильства» и, очевидно, не умели выработать его гибкие и подвижные формы. Предложение Б. Берута о вхождении Польши в состав Союза ССР отвел еще Сталин, Т. Живкова – о вхождении Болгарии в Союз не было принято в начале 60-х гг. Роль «пояса» играли Совет экономической взаимопомощи и Организация Варшавского договора. Но это были инструменты не для ставропольского комбайнера и уральского сантехника. Судьба известных славянских федераций СССР, Югославии и Чехословакии была изуродована. Они раздроблены не в собственных национальных интересах.

Понятно, что если речь идет об оптимизации всей общественной системы, сделать это невозможно вдруг и сразу. Действия могут быть и неровными, и частичными, с рывками и вперед, и назад, ибо имеется в виду становление сложной и масштабной целостности общественных отношений, в центре которой – человек-творец. Всего с ходу не скажешь, но как-то надо начать. Во всяком случае, следует нащупать хотя бы некоторые из основных «реперных точек» движения и безостановочно идти вперед.

Признаюсь, упомянутый вначале «призрак» все время, пока я писал, похаживал вокруг. Может быть, это хоть чуть-чуть приблизило нас к искомой национальной (которая не может не быть и интернациональной) идее...

---

¹⁰ Сталин И. В. Соч. – Т. 18. – С. 361.

¹¹ Там же.